

УДК 930:94(430).086

Л.Н. Корнева

СОВРЕМЕННАЯ НЕМЕЦКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ВОЙНЫ НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ ПРОТИВ СССР

Вторая мировая война, как известно, отличалась со стороны нацистов империалистическим и расовым характером. Особенно это касалось Востока Европы: войны против Польши и СССР. В то же время и по остальной Европе террористическим аппаратом нацистской Германии была организована охота на идейных и расовых противников фашизма.

Длительное время в нашей исторической науке господствовала точка зрения о том, что буржуазные немецкие историки ФРГ преимущественно оправдывают нацистскую агрессию на Восток, стремятся преуменьшить преступления вермахта на этой территории, перекладывая всю ответственность на Гитлера и СС. Такая точка зрения была верна лишь отчасти. Она касалась только крайне реакционных, неонацистских, а также отчасти - консервативных историков [1]. Но уже с конца 60-х гг. XX века в историографии ФРГ формируется демократическое течение, оспаривающее тезисы о «чистом» вермахте и единоличной вине Гитлера за истребительную войну на Востоке. Представители этого течения, такие как М. Мессершмидт, В. Ветте, Х.-Х. Нольте, Г.Юбершер, К. Д. Мюллер и др. проделали огромную работу по разоблачению нацистской идеологии и практики геноцида в ходе войны против СССР. На место изучения военных действий вермахта всё больше выступает тема преступлений нацистского режима в оккупированной части Восточной Европы.

Разрушение идеологических и политических барьеров между двумя частями Германии и Европы в 90-е гг. усилило стремление историков европейских стран «разобраться» с периодом войны и оккупации, увековечить память участников и жертв войны. Стало активно развиваться международное сотрудничество. Немецкие историки получили более широкий доступ к работе в архивах восточноевропейских стран, а также стран Балтии, России и СНГ. Подлинным «открытием» для немцев и предметом остройшей общественной дискуссии стала передвижная выставка о преступлениях вермахта в Польше и СССР, развернутая в Германии в 1995 г. в связи с 50-летием окончания второй мировой войны, а затем повторно – в 2002 г. Всё вместе взятое привело к усилению демократического направления в немецкой историографии.

Касаясь предыстории нападения на Советский Союз, современные немецкие авторы в большинстве своём, отрицательно относятся к тезису о превентивном характере войны Германии, не-

смотря на все попытки периодически оживлять этот тезис, как со стороны некоторых немецких, так и русских авторов. Бурное обсуждение этой темы осталось позади. В последнее десятилетие больше внимание стало уделяться вопросам оккупационной политики и поведения отдельных частей и подразделений немецкой армии на территориях бывшего СССР, коллаборационизму. Активно изучается организация холокоста на этих территориях. Дискутируются вопросы защиты вермахтом собственного мирного населения от наступающих советских войск на заключительном этапе войны.

В 1992 г. под редакцией Х.-Х. Нольте была опубликована книга «Человек против человека. Размышления и исследования по поводу немецкого нападения на СССР» [2]. Эта книга задала тон всем последующим исследованиям темы войны Германии против СССР. В статьях этой книги убедительно показано, что война Гитлера задумывалась с самого начала как «война на уничтожение». Она привела к огромным человеческим и материальным потерям и к «уничтожению» не СССР, а самой Германии.

Ныне историки практически единодушно признают, что война против СССР (в отличие от войны на Западе) носила особый характер: расово-миривоззренческий. Это, например, нашло отражение в энциклопедии по национал-социализму под редакцией Бенца, Грамля и Вайса [3]. Очень много опубликовано документов по теме завоевания «жизненного пространства» на Востоке, по подготовке и по размерам «войны на уничтожение», по реализации Генерального плана «Ост», например, в книге-документации Петера Лонгериха [4].

Многие историки указывают на особое качество войны против СССР, опираясь на высказывания Гитлера о «превращении России в руины», и отмечают ярко выраженный грабительский характер войны. Отмечается, что война на уничтожение привела не только к неоправданно большим потерям личного состава вермахта, но и предусматривала депортацию и уничтожение культурных ценностей [5].

Но всё же не все авторы разделяют точку зрения об изначальном характере войны против СССР как «войны на уничтожение». Историк Вальтер Пост, считает, что Гитлер связал войну против Советского Союза не столько из идеологических и расовых мотивов, сколько из реально-политических событий 1940- начала 1941 гг.

Публикуя и сравнивая военно-оперативные

планы СССР и Германии, Пост констатирует, что обе стороны понимали военный конфликт как наступательную войну с массированным применением самолётов и танков и внезапным нападением. Однако степень внезапности и скорости развертывания войск у Советского Союза по ряду причин были меньше, чем у Германии [6, 222,296].

Автор предлагает учитывать, что немецко-советская война разразилась в сложных и драматических обстоятельствах мировой политики в целом. Его некоторые тезисы звучат убедительно и создают новое поле для размышлений. В то же время, по сути, представляется неправильным отрывать военно-оперативные планы Германии против Советского Союза от идеологических мотивов нацистского руководства, которые и стали ярко проявляться в ходе войны. Малоубедительно выглядит также попытка прикрыть гитлеровский тезис о «превентивной войне» против СССР ничем не значащим термином «нападение», котороевольно или невольно выглядит у автора оправданным [6,330].

В рамках интенсивного изучения войны на Востоке в последние годы немецкие историки достигли настоящего прорыва. Особенно это касается изучения оккупационной политики и масштабов убийств нацистами мирного населения и военнопленных со стороны специальных групп СС («айнзацгруппе»). К подобным работам относится, например, книга молодого историка Андрея Ангрика «Оккупационная политика и массовые убийства». В центре исследования стоят действия специальной группы СС («Д») в южных областях Советского Союза в 1941-1943 гг.[7]. В книге прослежен весь кровавый путь этого карательного соединения от момента его формирования в июне 1941 г. до роспуска в мае 1943 г.

Автор показывает, что главной задачей специальных команд было проведение мероприятий в соответствии с нацистской концепцией «нового порядка» в Европе, основой которых было насаждение политических и расовых представлений нацистов.

Автор воспроизводит события, связанные с умерщвлением людей посредством массовых расстрелов и применения машин-душегубок, жертвами которых стали еврейское население, коммунисты, советские солдаты, цыгане, партизаны, душевнобольные и физически ущербные люди. Картины действий специальных команд СС показаны через призму деятельности её активных членов. Они проявляли энтузиазм, рвение в способах достижения поставленных задач, инициативу в достижении цели и формирования аппарата убийств. [7,179,387,644].

Рисуя социальный профиль и типологию членов репрессивных команд, Ангрик показывает, что среди них были как простые полицейские, так и остеинённые учёные. Эти группы «не были

гомогенны, но их убийственные действия были ужасающе «гомогенны», пишет автор[7,450]. Ангрик показал в своей работе, каким образом сравнительно небольшая группа людей смогла развязать столь убийственные деяния, учитывая число жертв и географическую широту пространства. Одной из причин этого, по мнению автора, было то, что «меры» в районе действия «айнзацгруппы Д» принимались к жертвам «без исключения и без ограничения» и стали первым и радикальнейшим инструментом обустройства покорённого «жизненного пространства [7, 733]».

Автор освещает также сотрудничество команд СС с украинскими националистическими организациями (УНО), с союзниками Германии, в частности с Румынией. Работа Ангрика на сегодняшний день является одной из лучших и подробнейших работ по теме «войны на уничтожение» против СССР.

Оккупационную политику нацистов осуществляли не только подразделения СС, но, прежде всего – армейские части. Стоит отметить высокую степень критической оценки современными историками действий вермахта. В своих работах они показали, что на Восточном фронте переставали действовать традиционные для немцев уважение к сильному противнику, что именно здесь больше всего проявлялось разлагающее влияние расистской пропаганды. Всё это в условиях военного времени развязывало руки и облегчало совершение преступлений, как высшим руководством армии, так офицерами и солдатами.

Особенно бурную полемику в историографии вызывают т.н. «преступные приказы» вермахта, например, о немедленном расстреле комиссаров, о выявлении, депортации и уничтожении евреев, о борьбе с партизанами.

Историки Г.Краузе, М. Мессершмидт, Ю. Фёрстер, Х-Х Вильгельм и др. опровергали широко распространённый в 50-80- гг. XX века тезис о том, что немецкие штабы и объединения не выполняли приказа о комиссарах или сознательно давали фиктивные сведения об их расстрелях. Эти заявления не подтвердились. Преимущественно, преступные приказы были приведены в исполнение в дивизиях, корпусах и армиях на Восточном фронте [8].

Ответственность за втягивание и частичное участие вермахта в политике уничтожения нацистского режима отчётливо видны в сборнике статей немецких авторов «Мёртвые зоны». Немецкий вермахт на Восточном фронте», или, например, в книге Карла - Хайнца. Поля «Вермахт и политика уничтожения. Военные в национал-социалистической системе» [9].

Расово-идеологическое основание войны против Советского союза отразилось и на отношении армии к советским военнопленным. Об этом свидетельствуют распоряжения и приказы на этот счёт, которые, как считает Рольф - Дитер Мюллер,

«разрывали с традициями немецкой военной истории» [10, 230].

Немецкие учёные констатируют причастность к нацистским преступлениям не только командования, но и солдат вермахта. В их работах глубоко и основательно прослеживается степень готовности солдат к «варварству» в отношениях с гражданским населением оккупированных областей, их настроенность по отношению к военнопленным, которые не могут быть «товарищами», а только «врагами», «лишними ртами» [11].

Позиция вермахта на Восточном фронте подробно освещается в фундаментальном исследовании немецких историков «Вермахт. Миры и реальность», в которой содержится ряд новых, интересных статей по теме войны Германии против СССР. Так историк Остерло подробно описывает лагеря военнопленных, их рацион питания «на грани жизни и смерти». Опираясь фактами многочисленных документов, он делает выводы, что плохое обращение с военнопленными отвечало планам нацистов об уничтожении в ходе этнических чисток в восточных областях Европы около 10 млн. людей [12,785].

Историк пишет, что в целом, командование вермахта принимало «преступные приказы». Протесты с его стороны были, но очень редко. Самым открытым и чётким фактом сопротивления этому был рапорт на имя высшего командования со стороны руководителя контрразведки (абвера) адмирала Канариса, осуждающий практику антитуманного обращения с русскими военными [12, 787-788].

Противоречит апологетам идеи о «чистом» вермахте и работа Рихтера о борьбе против партизан. Он доказывает, что «немецкая политика в оккупированных областях была не реакцией на действия партизан, а ... заранее и сознательно избранной позицией» [12,844]. Свидетельством этого явилось создание вокруг немецких линий продвижения «смертельных зон», где под видом борьбы с партизанами, осуществлялся холокост. Вермахт наносил первый удар по населению. Он выявлял и идентифицировал евреев, собирал и строил лагеря. Затем приходили отряды СС, которые проводили массовые расстрелы. Бабий Яр - типичный пример сотрудничества СС и вермахта. В целом, подразделения СД использовало около 300000 солдат армии в экзекуциях против партизан [12,851].

Историк Фёрстер добавляет, что «горькая правда состоит в том, что вермахт стал добровольным подручным Гитлера в его расово-идеологической войне на Востоке. В отношении холокоста вермахт выступал в разных лицах – убийцей, помощником, свидетелем, соучастником»[12,963]. В тоже время автор подчёркивает, что это ни в коем случае не исключает несогласие, возражение и даже сопротивление со стороны некоторых офицеров и солдат. Ряд офицеров был

против участия солдат в массовых расстрелях гражданского населения, против убийства евреев, против «юстиции линчевания». Но это были лишь отдельные факты в дивизиях и подразделениях. Некоторые офицеры и солдаты, побывавшие на Восточном фронте и, увидев злодействия нацистов (фон Штауфенберг, Г. Шморель, Г.Шолль и др.), вернувшись - приняли участие в движении Сопротивления, в покушении на Гитлера.

Интерес историков стали привлекать сюжеты жизни и смерти на войне, взаимоотношения солдат между собой и с офицерами, отношения к событиям на войне и в собственном тылу. Для этого стали использоваться в качестве источников письма солдат, донесения о настроениях в войсках различных служб, воспоминания участников войны [13]. Интерес к таким темам был вызван также открывавшимися документами по истории войны и оккупационного режима из архивов других стран, особенно Польши и бывшего СССР.

К такого рода работам относится, например, пионерская книга Клауса Латцеля «Немецкие солдаты – национал - социалистическая война?» [14]. В ней автор рассматривает как индивидуальные судьбы и опыт на войне, так и некий коллективный портрет солдат на основе писем «полевой почты». В работе отражены взгляды и поведение солдат во время войны и оккупации на «Западе» и на «Востоке», отношение к гражданскому населению, к военнопленным, к холокосту. Рассматриваются проблемы «нормальной войны» и войны на уничтожение. Проводится сравнительный анализ преступлений против военнопленных в период первой мировой войны и во второй мировой войне.

Отдельная глава посвящена проблемам смерти на войне и сопутствующие ей концепты – «убийство», «судьба», «жертва», «герой», «мужество», «честь» и др. Затрагиваются вопросы смысла и бессмыслицы войны и место собственной личности солдат в ней, роль веры в постулаты национал-социалистической идеологии: «фюрера», «народного сообщества», «отечества» и др.

Делая выводы относительно языка солдатских писем, автор утверждает, что их нельзя идентифицировать только как национал - социалистические по содержанию и окраске, как этого хотелось бы нацистам. Но они всё же родственны им. Латцель говорит о «частичной идентичности мотивов» действий солдат вермахта и целей национал-социализма [14, 370]. Автор отмечает, что она проявлялась в более устойчивой, чем у гражданского населения вере в «фюрера». Большое значение имел также, по мнению автора, нацистский образ «мужчины-солдата», но расовые представления о «народном сообществе» как «сообщество по крови» имели только частичное распространение.

По отношению же к внешнему миру эти взгляды солдат становились расистскими. «Они

оживлялись при соприкосновении с материальными и социальными условиями жизни гражданского населения на Востоке, и при сравнении с собственным положением» - пишет Латцель [14,371].

Интересен его вывод о том, что по отношению к солдатам Красной армии оценки в солдатских письмах были более сдержанными и редко соответствовали полным ненависти тирадам фашистской пропаганды. Автор говорит о существования некоего набора взглядов солдат, близких нацизму, важнейшей из которого была готовность к насилию и уничтожению. «Она облегчала солдатам вести такого рода войну, какую они волей-неволей вели в Советском Союзе», - заключает автор [14,374].

Более жёсткие выводы о мотивации действий солдат делает в своей книге Кристофер Расс «Человеческий материал»: немецкие солдаты на Восточном фронте» [15]. Автор исследует этот вопрос на материалах внутренней жизни одной из пехотных дивизий. На примере 253-й дивизии Рассом были прослежены вопросы социального и ментального профиля. Сначала эта дивизия воевала на Западе, а затем с 1941 по 1945 гг. участвовала в военной кампании на Востоке. Выяснилось, что будущие солдаты тесно увязывали свои интересы с нацистским режимом. Три четверти из них прошли через разные нацистские организации, прежде чем стали солдатами вермахта.

Анализируя военные преступления дивизии, Расс приходит к выводу об активном участии в них приблизительно десятой части солдат по различным мотивам – мировоззренческим, ментальным или сугубо персональным [15,399-402]. Изучая социальный профиль, власть и примеры действий солдат, он заключает, что они показали зависимость от действий тоталитарной системы и преступного характера войны в целом. Это привело к тому, что многие действующие лица стали участниками преступлений, несмотря на то, что солдаты были «самыми маленькими кирпичиками в большой институциональной и социальной структуре вермахта» [15, 14-15].

Что касается влияния идеологии национал-социализма на вермахт, то в ходе войны возникла широко охватывающая армию нацистская монопольная информационная сеть, разрешающая или просвещающая солдат относительно того, что им можно делать, а что - нельзя. Автор отмечает, что «война на уничтожение» делала возможным участие «совершенно нормальной пехотной дивизии» в военных преступлениях нацистского руководства [15, 410]. Дивизия активно сотрудничала со специальными командами СС в геноциде и в преследовании гражданского населения.

Таким образом, по мнению автора, многие солдаты дивизии, благодаря социализации и воспитанию в довоенное время были не только готовы к армейской службе в тоталитарном государстве, но и, не будучи членами НСДАП, готовы были служить ему как национал-социалисты [15,411].

Внимание историков привлекает также заключительный этап войны на Востоке. Так историк Г. Швендеманн задаётся вопросом, почему немецкие солдаты сражались практически до конца войны, т.е. до капитуляции. Мотивация более ожесточённой борьбы на советско-германском фронте представляла собой набор причин идеологического, организационного и психологического характера. Это и вера военного руководства в «гений фюрера, который найдёт какой-нибудь выход»; и приказы Гитлера о превращении «каждого бункера, каждого жилого блока в любом немецком городе и деревне в укрепление, в котором враг либо истечёт кровью, либо погибнет в рукопашной схватке» [12, 233]. Сыграли свою роль объявление войны нацистами на своей территории как «отечественной», а также ряд мер мобилизационного и устрашающего характера (создание «народного ополчения», введение «летучих судов») и др.

Немалую роль в ожесточённом сопротивлении играл страх перед насилием со стороны Красной Армии и советским пленом. Так автор отмечает, что на Востоке немецкие войска находились под более сильным пропагандистским давлением, чем на Западе, где англо-американские войска вели себя корректно с населением, в то время как в советских войсках имели место бесчинства и месть в отношении и военных, и гражданских лиц [12, 235].

Швендеман квалифицирует позицию борьбы «до последнего патрона», так же, как и гитлеровскую стратегию войны в целом, как стратегию самоуничтожения, которая полностью разрывала с военными традициями Германии и привела к большим человеческим и материальным потерям [12,229].

Состояние современной немецкой историографии истребительной войны против СССР показывает, что пока рано говорить о выходе Германии из «тени прошлого». Тема нацизма и войны по-прежнему волнует общественность и продолжает быть предметом интенсивного исследования нового поколения немецких историков. Их работы носят печать бесстрашия и заряд антимилитаризма. Они играют важную роль в сохранении антифашистско-демократического консенсуса немецкого общества, в развитии примирения и сотрудничества со своими восточными соседями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мерцалов. А.Н.. Западногерманская историография Второй мировой войны.- М., 1978.

2. *Nolte H.-H. (Hrsg.)*. Der Mensch gegen den Menschen. Überlegungen und Forschungen zum deutschen Überfall auf der Sowjetunion 1941.- Hannover, 1992.
3. Enzyklopädie des Nationalsozialismus.- München, 1997, 2000
4. *Longerich P.* Die Politik der Vernichtung. Eine Gesamtdarstellung der nationalsozialistischen Judenverfolgung.- München, 1998.
5. *Eichwede W./Hartung U. (Hrsg.)* NS-Kunstraub in der Sowjetunion.- Bremen, 1998.
6. *Post W.* Unternehmen Barbarossa: deutsche und sowjetische Angriffspläne 1940/41.- Hamburg; Berlin; Bonn..- 1996.
7. *Angrick A.* Besatzungspolitik und Massenmord. Die Einsatzgruppe D in der südlichen Sowjetunion 1941-1943.- Hamburg, 2003
8. *Wilhelm H.-H.* Rassenpolitik und Kriegsführung. Sicherheitspolizei und Wehrmacht in Polen und der Sowjetunion.- Passau, 1991.
9. *Heer H. (Hrsg.)* Tote Zonen. Die deutsche Wehrmacht an der Ostfront. -Hamburg, 1999; Pohl K.H. Wehrmacht und Vernichtungspolitik. Militär im nationalsozialistischen System.- Göttingen, 1999.
10. *P.-D. Müller/G.R.Ueberscher.* Hitlerskrieg im Osten 1941-1945. Ein Forschungsbericht.- Darmstadt, 2000.- S. 230
11. Keine Kamerade. Die Tragödie der Gefangenschaft in Deutschland und der Sowjetunion 1941-1956.- Köln, Weimar, 1998.
12. Die Wehrmacht. Mythos und Realität.- Oldenburg, 1999.
13. *Humburg M.* Das Gesicht des Krieges. Feldpostbriefe von Wehrmachtsoldaten aus der Sowjetunion 1941-1944. – Opladen//Wiesbaden, 1998.
14. *Klaus Latzel.* Deutsche Soldaten – nationalsozialistischer Krieg?: Kriegserlebnis – Kriegserfahrung 1939-1945.- Paderborn, München, 1998.
15. *Ch. Rass.* „Menschenmaterial“. Deutsche Soldaten an der Ostfront. Innenansichten einer Infanteriedivision 1939-1945.- Paderborn, 2003.- 486 S.

Автор статьи:

Корнева
Лидия Николаевна
- канд.ист.наук, доц.каф. новой, но-
вейшей истории и международных
отношений Кемеровского государст-
венного университета.